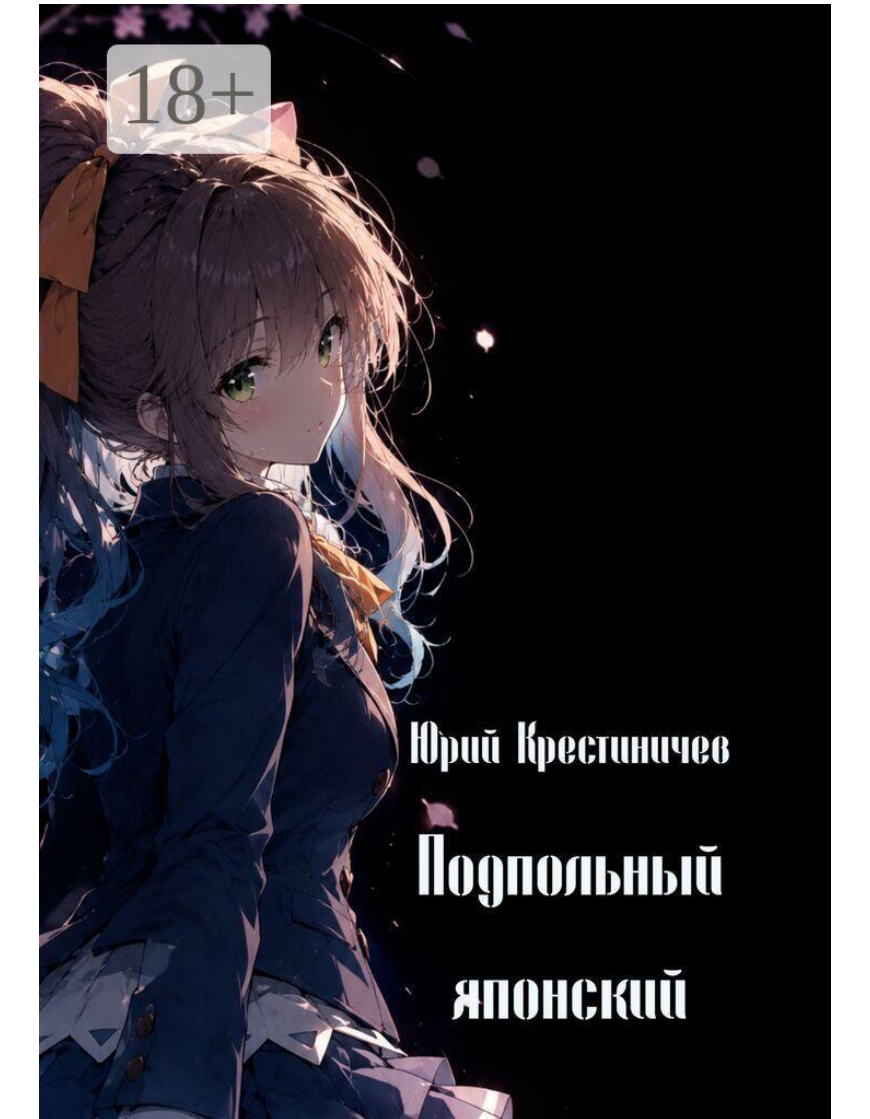

18+

Юрий Крестиничев

Подпольный

японский

Юрий Крестиничев

Подпольный японский

<https://litres.ru/74504204>

ISBN 9785007130721

Аннотация

Подпольный японский: роман в двух частях. Первая часть была напечатана в 2021–2022 годах. Вторая часть романа ранее не публиковалась. В 2026 году «Подпольный японский» впервые вышел в качестве отдельной книги.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Подпольный японский

**Юрий Юрьевич
Крестиничев**

Оформление обложки OpenAI

© Юрий Юрьевич Крестиничев, 2026

ISBN 978-5-0071-3072-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

В пяти минутах ходьбы от шоссе, что простиралось на всю южную часть города, к небу стремились две огромные высотки. Мало кто знал, сколько здесь входов, сколько выходов. Они скрывались за двухэтажным универмагом, и, если бы только не ржавая пожарная лестница, обхватывающая их сверху донизу, мало кто принял бы эти здания за жилые дома.

Пропустив ремень сумки через плечо, по дорожке из тротуарной плитки под соснами, высотой с которые из года в год открывался вид на белый балкон, шёл студент четвёртого курса юридической академии Северо-Западного филиала МГЮА Вениамин Николаевич Ситников.

Рядом с ним шла госпожа Дарья. Вплотную приближалась пора студенческой сессии, медлить нельзя было ни на секунду, но как раз на днях ту самую Дашу посетило страшное известие. Дотянувшись до телефона одним утром, она вдруг поняла, что не может отправить ни одного электронного письма.

И казалось, будто бы ничего не изменилось. Перед ней уже два дня открывалась обычная латинская клавиатура, вот

только ни одну латинскую букву она ввести не могла. Вместо латыни в строке набора отображались совершенно незнакомые Даше знаки.

Страшно представить, что происходило в эти два дня. Все, кому не лень, бились со злосчастливым телефоном. Пока однажды слух не дошёл до Вениамина Ситникова. Изучив поломку и многозначительно вздохнув, тот заключил:

— О... Это к профессору.

Даша жила в двух остановках отсюда, но за неимением прочего отправилась напрямиком к указанному дому.

— Он... точно поможет?

— Хах... — перебросил сумку на плече Ситников. — Профессор Чеморгин — специалист в области письменности. Для него разобраться с твоим делом труда не составит.

Когда, подойдя к подъезду, Веня набрал номер квартиры на домофоне, оттуда донеслось спокойное дыхание. Через четверть секунды дверь открылась. Профессор проживал на третьем этаже. Притом в сравнении со ступенями с первого по второй этаж ступени с третьего по четвёртый весьма отличались. И отличие это невозможно было не заметить. Их словно кто-то чистил и отполировывал раз в два дня.

Пару встретила стальная противопожарная дверь на двух замках, которой соседи с обычной деревянной дверью на хлипкой запорке могли только позавидовать. Ситников не стал даже стучать: замок и без его стука начал прокручиваться. На пороге возникла фигура.

Рост встретившего Веню человека составлял порядка ста восьмидесяти сантиметров. Немного смуглый и небритый, но не настолько, чтобы называть эти волосы бородой, некий профессор Чеморгин обвёл пришедших взглядом. К носу его крепко прижимались закруглённые прямоугольные очки с сильными линзами. Чеморгин носил халат с вышитой на рукавах арабеской, укрывающий его почти до ног. От сезона к сезону он менял причёску и сейчас наращивал объём.

— Профессор? — обратился к нему Ситников.

Чеморгин в ответ кивнул и опустил очки ниже переносицы.

— Поможете девушке с телефоном?

Из халата к Вене медленно потянулась рука. Чеморгин без лишних слов взял телефон, оценил модель и принялся за работу. «Он заблокирован», — хотела напомнить стоящая рядом Даша, но в ту секунду Чеморгин уже что-то ввёл и скользнул пальцем по экрану, сняв ключ блокировки. Первым его словом стало:

— Индия...

— Да, да, — подхватил Ситников. — Она вместе с клавиатурой перевела всю систему на что-то азиатское. Китайский, может?

— Нет, это не китайский. Это японский.

Даша, знакомая Ситникова, выскочила вперёд к Чеморгину, пытаясь разглядеть, что делает последний. Чеморгин не проявил никакого интереса при виде её персоны. Он дей-

ствовал выверенными движениями и каким-то неожиданным образом добрался до окна настроек.

— Так... С вас пятьсот рублей.

Вначале непонятно было, хотел ли он таким образом отпугнуть девушку или же говорил серьёзно, но, встав в прежнюю позу и замолчав, Чеморгин дал понять, что второе здесь наиболее вероятно.

— Я студентка колледжа, это почти вся моя стипендия!

— Хорошо.

Чеморгин зашёл внутрь квартиры и спустя минуту вернулся оттуда с отрывным блокнотом, закончив дописывать что-то на листочке, а затем отдал его двоим.

— Что... это?

— В двух улицах от вокзала находится крупнейший книжный магазин города. Русско-японские словари можно приобрести там. Цена, которую беру я, и цена за один русско-японский словарь на сто тысяч слов и выражений равнозначны. Но я не знаю, какую наценку назначит магазин. Помог чем и мог. До свидания.

— Стой! — бросила попутчица Ситникова вслед уходящему Чеморгину.

Чеморгин развернулся всем правым боком. В руках госпожа Дарья держала типографский отпечаток чудных видов Архангельска. Возможно, на лице Чеморгина и промелькнула улыбка, но её появление было столь мимолётным, что и не разглядишь.

Молодой человек ещё раз обратился к Вене Ситникову. Тот не задумался.

— Придёшь ко мне на растопку мангала? Или я к тебе?

— Прискорбно осознавать, но у меня закончилась голубая маття, — подмигнул Чеморгин.

— Ну, тогда... *Bis später!*

— *Bis bald...*

Стоило двери в квартиру Чеморгина закрыться, в сторону бедного Вениамина Ситникова полилась уйма вопросов. Он не знал, как на все и ответить. Факт оставался фактом: Чеморгин вернул устройству прежний вид. Вспоминая, какими усилиями её ближние пытались достичь абсолютно такого же результата, компаньонка Ситникова не находила себе места.

— Да кто он такой?

— Он... — посмотрел на подошвы ботинок Ситников.

— Он профессор Илья Чеморгин. Специалист по переводу с иностранных языков, практикующий преподаватель. И параллельно ученик десятого класса.

— Д-десятого?

— Да. Один-единственный. Наш профессор Чеморгин. Могу рассказать, как мы впервые встретились. Правда, история долгая...

Это случилось несколько лет назад.

Глава 2

В жизни профессора Чеморгина следует выделить две основные части: когда профессор Чеморгин был историком и когда перестал им быть. Это случилось после двух футбольных матчей, в которых он оказался выбран капитаном сборной школы, и дважды мяч ударял ему в голову. С тех пор у профессора Чеморгина и открылись необычайные лингвистические способности.

Это не более чем шутка, превратившаяся в городскую легенду, если хотите. На самом деле профессору Чеморгину суждено было стать филологом. Бабушка его — филолог, а мама теперь уж переводчица со свободным знанием двух иностранных языков — английского и немецкого, — с возможностью писать и читать даже на французском.

Профессор Чеморгин действительно хотел стать историком, пока однажды не посетил границу России и Эстонии в ранней юности. Тогда он впервые увидел, что все дорожные знаки в пути сменились с кириллицы на латиницу. И что-то в нём надломилось. Это был спор, но не с кем бы то ни было, а спор с самим собой.

Начав активное изучение иностранных языков в четвёртом классе школы, через несколько лет на экзаменах по монологической речи профессор Чеморгин боялся, что экзаменаторы могут просто не понять некоторые слова, которые он

произносил, поэтому сознательно снижал уровень используемой лексики, стараясь обойтись набором приблизительно в восемьсот пятьдесят слов.

Когда профессор Чеморгин делился знаниями со сверстниками, он неожиданно для себя обнаруживал, что рассказывал в духе своих преподавателей. Он твёрдо знал, что грамматику немецкого языка нужно преподавать по-русски очно, это лучше, чем давать на руки таблицы. А ещё профессор Чеморгин не боялся слова «зубрить». Он мог цитировать наизусть не одну страницу учебника, что немудрено после очередной бессонной ночи.

Но, кроме прочего, профессор Чеморгин не был живым собранием всех наук. Он абсолютно не знал алгебру, геометрию, физику и биологию. Эти науки не поддавались ему только потому, что профессор Чеморгин не ставил своей задачей их изучение. Примером тому служила химия — естественная наука, которую тот знал на отлично.

Но таким профессор Чеморгин явился нам недавно, а до некоторых пор натура его представлялась другой, что не выносило на второй план свойственный ему темперамент. Ближние ощущали на себе, что профессор Чеморгин — это страшная смесь меланхолика и холерика. Человек, который после попытки разумно доказать свою точку зрения мог легко первым пойти в рукопашную, а после подолгу жалел оппонента. Он знал границы разумного, но это не значит, будто профессор Чеморгин стремился за них не выходить.

За все годы человек этот оставался уникальнейшим проявлением психологической закрытости, завязывая дружбу лишь с немногими. Первым из тех «немногих» безусловно стал Ситников Вениамин Николаевич, он же Веник, он же просто Ситников. Их знакомство произошло несколько лет назад.

Обосновавшись в кабинете географии, Веня за пять минут до урока истории усиленно повторял материал по периоду советско-финской войны. Учитель его, Александра Николаевна, прослыла в слухах, плавно переходящих с третьего на второй этаж, требовательной и эксцентричной. На входе в класс у опоздавших она могла спросить всё что угодно, вплоть до даты основания города Грозного (1818). Так получилось, под гнётом обстоятельств Ситников совсем потерялся в датах, потому как с трудом вспоминал и год основания Москвы. Итогом стало получение целого параграфа на пересказ.

Он пытался хоть как-то поднять свой средний балл, равный двум целым двадцати пяти сотым, всеми силами пытался, но одно лишь название линии Маннергейма, которую Веня сначала назвал «линией Маннерейма», затем «линией Маннермаера», вызывало в нём ужас и уныние.

Рядом с Ситниковым сидело ещё двое опоздавших. Вместе они заняли первую и вторую парты. Здесь, как выяснилось позже, и сидел профессор Чеморгин, а Веня, сам того не понимая, подписал своё согласие на получение пятёрки по

истории. Профессор Чеморгин выбил место на второй парте в страшной борьбе среди тридцати человек, четырнадцать из которых носили очки.

Обладая средней степенью астигматизма приблизительно 4 D, он смог доказать, что видит хуже девятерых; среди непобеждённых конкурентов оставались отличники и те люди, которые помимо плохого зрения вдобавок плохо слышали.

Сам профессор Чеморгин, как уже оговаривалось, не входил в число отличников. В теории он мог получить золотую медаль, правда, не знал, зачем она ему нужна. Его целью была региональная олимпиада и заметность в глазах работников университета, а всё остальное уходило на второй план. На региональную олимпиаду по истории он в будущем попал, после чего, сочтя выполненным долг, к которому стремился, загубил в себе историка и окончательно ушёл в лингвистику.

Пока что, в те годы, на благо Ситникова профессор Чеморгин оставался историком. В толпе его различали просто. Пиджак профессора Чеморгина вместе с шерстяной курткой составлял единый и до боли знакомый домашний халат. Не хватало только домашних тапочек. «Их же нельзя носить в таких местах», — подумаете вы. И крупно ошибётесь. Профессор Чеморгин носил тапочки по субботам в знак протеста за здоровый сон и поддержки психического состояния учащихся.

Войдя в своём пиджаке-халате, профессор Чеморгин сра-

зу направился к завоёванному в долгой борьбе месту и был неожиданно удивлён оравой сидящих. Притом двое из трёх ему были совсем не интересны, взгляд оставался прикован лишь к Ситникову, занявшему место профессора Чеморгина.

— Что читаем? — проявил интерес историк.

— Советско-финская война... Вам до неё ещё учиться и учиться, молодой человек, — говорил Ситников, прекрасно понимая, что, если не исправит нависающую над ним академическую задолженность, учиться и учиться будет он.

— Советско-финская... Гориллов, Данилов?

— А?

Профессор Чеморгин отошёл на два шага назад к доске.

— Авторы учебника. Эх... А... — последний звук профессор Чеморгин растянул до бесконечности, уводя в небеса. Он прочищал очки. — «30 ноября 1939 года началась советско-финляндская война. Части Красной Армии начали военные действия против Финляндии в расчёте на быструю победу. Однако война приняла затяжной характер». Я должен полагать: страница четыре, параграф двадцать?

Информация пронеслась над головой Ситникова фоном, потому как прозвучала по-научному сухо. Но, оглядевшись и поняв, что, кроме троих человек и профессора Чеморгина, класс пустел, Веня заметил оторопелые взгляды товарищей по несчастью.

Ситников высунул голову из учебника и тут же засунул

обратно. Информация, произнесённая профессором Чеморгиным, совпадала со страницами учебника слово в слово.

— Ты что... знаешь?

— Тебе дать развёрнутый комментарий с анализом? Всё-таки одним рассказом на уроке истории ты не отделаешься.

Часы над ухом Ситникова продолжали свою симфонию.

— Так у нас десять минут!

— Уже девять. Поехали. — В том-то и проявлялась сущность профессора Чеморгина. — Во-первых, брысь с моего места.

Дважды повторять не пришлось. В качестве преподавателя профессор Чеморгин не жалел никого. И если ему в голову приходило выдать какой-либо материал, он выдавал его до першения в горле, пусть днём будет сидеть, а к вечеру сляжет, согнувшись и выдохнув, словно биатлонист. А затем... Понеслась.

Надо понимать, что любой предмет в прочтении профессора Чеморгина отличался крайней степенью энтузиазма лектора. Материал девятого класса он со спокойной душой выдавал шестиклассникам, мотивируя это необходимостью в будущем всё равно изучить требуемое, а уж когда — роли не играет.

Тем не менее в случае с Ситниковым профессор Чеморгин сразу понял всю плачевность положения. Его задачей стало выдать хоть что-нибудь, дабы «Сороковые, роковые, военные и фронтовые...» окончательно не прибили челове-

ка к земле. Ситников боялся. Профессор Чеморгин боялся не меньше, но в несколько другом смысле. Задача состояла в нахождении контакта с учителем. Тот же Данилов только теперь вместе с Арсентьевым сильно подвели профессора Чеморгина, когда в пункте два о деятельности Негласного комитета на пятнадцатой странице написали, что главным результатом его работы изначально должно было стать ограничение самодержавия.

Против этой строки профессор Чеморгин ничего не имел, но учительница его спохватилась на весь класс во время устного ответа, после чего профессору Чеморгину пришлось опустить строчку, словно той и не существовало. Правда, дело своё профессор Чеморгин не оставил и, совершив налёт с учебником на лестнице, доказал учителю правоту, заодно исправив оценку четыре на чистую пять.

Поначалу он очень сильно беспокоился по поводу методики преподавания. Но и к тому моменту люди начали замечать изменения в профессоре Чеморгине. Внезапно открывшись миру на два года, профессор Чеморгин вновь ушёл в глубину себя. Те два года навсегда отразились в истории школы как золотая пора. Известная фигура тогда участвовала в трёх олимпиадах параллельно. А потом внезапно пропала. Позже Ситников узнал, что в годы самого начала учёбы профессору Чеморгину и так приходилось непросто, а новый профессор Чеморгин по уровню замкнутости превосходил все прежние ипостаси себя. Он занимался перепрофилиро-

ванием. Что из этого вышло...? Вышло удивительное дело.

Пока же профессор Чеморгин разъяснял причины, события и итоги советско-финляндской войны. Ему была свойственна живость речи, которой он научился у радиоведущих. В голове профессора Чеморгина не создавалось вакуума. Ситникову, с которым тот и разговаривал, оставалось хлопать глазами. И всё же профессор Чеморгин дал Вене немного роздыха за две минуты до звонка, начав рассказ про Московский мирный договор.

— Куда хочешь поступить, Веня?

— А...? На адвокатуру. — Этот вопрос несколько выбил Ситникова.

— А что из главного должен уметь адвокат?

— Из главного... Ну, хорошо слушать и быстро бегать.

— Сейчас на пределе возможностей выполнишь первое, и второе не придётся делать, поверь. Так что вперёд и с песней!

По окончании перемены группа из трёх человек удалась в кабинет истории напротив. «Вот так счастье нам подвезло», — говорили двое идущих позади, и Ситников был с ними солидарен. Перед ним точно сидел по меньшей мере участник и победитель городских олимпиад, один из тех людей, благодаря которым школа являлась лучшим образовательным учреждением города на протяжении многих лет.

Профессор Чеморгин попросил Ситникова не только пересказать полученный материал, но и дать оценку. Двух-трёх предложений хватит. Оглянувшись, Веня увидел профессо-

ра Чеморгина, беседующего с одноклассниками через парту. Речь его особо пылкую заглушил шум звонка. Для Ситникова начался страх божий воочию. История.

Теперь в голове Ситникова значилось не только страшное название «линии Маннергейма», но и то, что ударение в названии линии ставилось на первый слог. И когда даже учитель Александра Николаевна ставила ударение неправильно, Веня знал истину. А научила истине персона, за девять минут возымевшая авторитет в его глазах.

Веню, ожидаемо, вызвали к доске. Здесь даже не важно, о чём говорил профессор Чеморгин. Важен здесь ответ Вени. И тут понеслась...

— Советско-финляндская война 1939—1940 годов началась из-за отказа Финляндии уступить СССР часть своей территории. Основной причиной войны являлась близость финляндской границы к Ленинграду. Поводом к войне стал артиллерийский обстрел территории СССР со стороны Финляндии, которого, по всей вероятности, в реальности не было...

Ситников тараторил без умолку. Его знания разносились на смежные кабинеты географии и русского языка. Благо, говорил он недолго и быстро выдыхался. Слышал ли этот триумф профессор Чеморгин? Конечно, слышал. Слышал весь класс, слышала соседка по парте, которая на фоне остальных выделялась прибалтийскими корнями и светлой кожей. «Вот даёт парень, чего хоть нашло?» — тихо шепнула она

профессору Чеморгину. «Держу пари, это мой знакомый... В последнее время он сильно интересуется твоими родственниками».

Закончив рассказ, Ситников ощутил, будто бы исповедался. Ушёл он, безусловно, с пятёркой, развёрнуто ответив на все вопросы. Правда, сильно перенервничал и забыл имя профессора Чеморгина.

Очутившись на первом этаже, Веня разглядел географию в расписании и помчался на следующий урок того класса. Он встретил фигуру в пиджаке-халате ровно там, где и ожидал увидеть, — на входе в коридор возле кабинета информатики. Ситников буквально выхватил из толпы профессора Чеморгина. Проходящие наверняка приняли их за родных братьев.

У обоих округлились глаза. Одновременно с выдохом профессор Чеморгин улыбнулся.

— Парень, ты кто вообще такой?

— Хах... Я слышал твоё выступление. Надо же так сильно кричать... Илья Чеморгин, будущий доктор исторических наук, — с годами он говорил не иначе, но сменив «исторических» на «филологических».

— Значит, профессор? Я Веня Ситников. Встретимся после школы?

Так и началась их дружба.

Глава 3

— Сейчас мне хотелось бы заострить ваше внимание на наречиях «vorhin» и «vorbei». Первое не имеет аналогов в русском языке, оно ссылается на действие, которое произошло в промежутке более нескольких минут, но в тот же день. Между «только что» и «недавно». Например: «Ich habe die Musik vorhin im Geschäft gehört». — «Недавно я слышал музыку в магазине». «Vorbei», друзья мои, само по себе означает проходящее... Господи... Кому я это всё рассказываю? В контрольной встретите пропуск в конце или пропуск перед запятой — пишем «vorbei», не встретите — пишем «vorhin». Это ясно?

— Ясно...

— С таким успехом «vorbeibenehmen» нам только снится...

Лестничный пролёт с третьего по четвёртый этаж оказался полностью занят. Разложив на ступенях бабушкины платки, здесь сидели многочисленные представители Республики Коми. Там, откуда они прибыли, в некоторых школах первым изучался финский язык, вторым — английский. Но, переехав в этот город, все они неожиданно столкнулись с немецким языком в качестве второго иностранного.

Некоторые учились в девятом классе, и перед профессором Чеморгиным стояла задача выдать им материал за девя-

тый класс, обходя стороной пятый, шестой, седьмой и восьмой. Он стоял в своём бархатистом халате, перебирая страницы личных записей. К нему пришли ученики консервативных учителей.

— Как говорится: «Ordnung muss sein». Кстати, проспрягайте-ка мне глагол «sein». Это важно.

— То есть каждый знаток немецкого должен знать спряжение глагола «sein»? — с некоторой иронией донёсся голос выше.

Чеморгин поднял голову, улыбаясь самую малость.

— Ich bin, du bist, er/sie/es ist, wir sind, ihr seid, sie sind. Ich war, du warst, er/sie/es war, wir waren, ihr wart, sie waren. Радуйтесь, что в вашу программу не включён первый футур. Хотя лично меня это очень огорчает.

— А почему вы не поставили артикль перед «Geschäft»? — донеслось с лестничной площадки. — Там же нужен артикль «das».

— Во-первых, не «das», а «dem», дательный падеж. Можно задать вопрос к существительному: «Wo hast du die Musik gehört?». Пошло «Wo», это Dativ. Вспоминаем падежную таблицу для среднего рода: «das», «das», «dem», «des». Во-вторых, я слил его с предлогом. Было «in dem», получилось «im». Хотя согласен, сделал глупость. Без знания падежей вам так лучше такого не совершать. А потом, поверьте мне, вы даже не будете задумываться, как говорить, какой падеж ставить.

— Потом... — подхватили несколько. — Только когда это «потом» наступит...

— Нужно очень сильное чувство привязанности к людям, которые говорят на каком-либо языке, чтобы захотеть самому на нём говорить. Например, я серьёзно занялся немецким языком, когда влюбился в немку.

Подобное откровение от такого серьёзного человека, как профессор Чеморгин, шокировало немало сидящих. Улыбка его растянулась ещё шире. Профессор Чеморгин всем телом облокотился на стену у двери и затанул наизусть какую-то из вечных поэм Генриха Гейне.

*Saphire sind die Augen dein,
Die lieblichen, die süßen.
O, dreimal glücklich ist der Mann,
Den sie mit Liebe grüßen.*

— Слышал историю, рассказанную исследователями одного из африканских племён, там, где даже ближние соседи разговаривали меж собой на разных языках, более чем на десяти. У одного из жителей тех земель спросили: «Как вы выучили столько языков?» Он ответил им: «Как это выучил? В каком смысле?» Они: «Ну, с чего начали? Вы же не сразу научились говорить на языке соседей?» Он: «Нет, вы не понимаете. Для того чтобы заговорить с жителями соседнего племени на их языке, я должен выйти за пределы своего, пересечь реку, увидеть природу того племени, увидеть людей того племени. И тогда я смогу говорить с ними на их языке».

Но рассуждения профессора Чеморгина прервала открывающаяся дверь. Через сорок две секунды и не меньше перед ним появился Ситников. Как обычно, стоял он с сумкой, перекинутой через плечо, и слегка уставший.

— Профессор! Я обзвонил пять квартир, на пятый раз пустили. У тебя тут что, домофон отключён?

Но тут Ситников поднял глаза выше. Там сидело больше пятидесяти человек, профессор Чеморгин не сказал ни слова. Веня от такого столпотворения аж закашлялся.

— Вы ещё не закончили?

— Kon'nani mo bon'yari shite ite, nani mo kangaerarenai n da. Dakara, hotte oite kure.

Всё равно ничего не пойму, не пытайся. Я сладости принёс. Те самые, тобой заказанные, — протянул почтовую посылку, выпущенную эстонской таможней, Ситников.

— Drop?

Веня довольно кивнул.

— Так, на выход, товарищи! Встречаемся через два дня.

Когда эта орава сбегала с лестницы, бедные были соседи. Ситников прижался к стене в ожидании прохода толпы с кучей тетрадок и учебников. В будущем профессор Чеморгин думал оформить на Ситникова доверенность. Это было бы лучше, чем каждый раз давать ему сим-карту, к номеру которой привязана электронная подпись.

Наслаждаясь тонкими палочками лакрицы, которая ещё не всякому придётся по вкусу, профессор Чеморгин, накло-

нившись, приготовился внимательно слушать.

— Я тут думаю через два дня в кафе всех собрать.

— Рената и Аверин в сборе? Последний едва не вывел самодельный реактор в саморазгон, позавчера ездил в политехнический, нужен был перевод инструкции к запчастям. Говорю ему: «Shǐyòng hēisè juéyuán jiāodài», а он уже синюю достаёт.

— Аверин — это Аверин. Ты же знаешь.

Профессор Чеморгин работал переводчиком в городском политехническом институте. Само собой, неофициально. Но нанимать переводчиков по договору оставалось даже для таких серьёзных организаций делом сложным и долгим, а работа с профессором Чеморгиным была на редкость продуктивна.

Без самого Аверина рассказ о нём выглядит блекло. Артём Аверин — одноклассник Ситникова, также знающий профессора Чеморгина. Можно сказать, профессор Чеморгин и объединил эту троицу. Когда-то тот занимался репетиторством у будущих друзей, лёжа на школьной скамейке и сняв ботинки, что подходило по духу лишь профессору Чеморгину и никому другому. Ситников поступил на юридическое отделение, Рената училась в другом городе на врача. Они все казались абсолютно разными людьми: юрист, медик, техник и переводчик, но тем эти четверо и были интересны.

— В кафе через два дня, значит? Явлюсь самым первым, обещаю!

Веня Ситников и профессор Чеморгин обменялись прощанием на кулак, после чего фигура в халате добавила:
«Be there... or be square, because you are not around.»

Глава 4

Это случилось в девятом классе, когда особое время на уроках русского языка отводилось на подготовку к итоговому собеседованию. Сути и важности его не понимал никто, потому что сдача этого испытания была предрешена. Если пройтись по структуре итогового собеседования вдумчиво, то можно понять его основную задачу. Люди разучились говорить.

Девятиклассники не могли свободно разговаривать на родном языке, выполнять простейшие вещи. К середине этого года обучения не более двух человек из класса могли так же свободно обращаться с количественными и порядковыми числительными, как на иностранных языках. Некоторые задания экзаменов для носителей русского языка повторяли элементы таких тестов, как, например, AMFA — международного экзамена на знание персидского языка. Хотя на извечные вопросы люди всегда могли высказаться...

— То есть она реально говорит по-английски?

— По-английски, по-корейски, по-французски. Несколько раз была заграницей, говорят. В начале этого года перевелась к нам из первой школы. Ну, та, которая на Слободе, с углублённым изучением. Ходит сама по себе. Красавица, конечно, только вот шансов завести с ней разговор меньше, чем зажечь спичку об стену.

— А чего она к нам перевелась?

— У нас в следующем году открывается гуманитарный класс. Таких всего три в городе. Хочет ознакомиться с учительским коллективом. А имя-то какое! Имя! Есения...

— Да ладно тебе. Кто такой недотрогой интересоваться будет? Если только тот, кто может прямо сейчас перейти на... как ты сказал? Французский? Да, французский и свободно на нём говорить? Ты реально думаешь, что у нас такие есть?

Внезапно один из двух говорящих спереди ощутил на своём плече чужую руку.

— Bien sûr. Je parle couramment français.

В проходе своевременно встала фигура в пиджаке-халате. Речь, ни много ни мало, шла о возлюбленной профессора Чеморгина. Речь шла о Есении Кремник.

О точном месте и времени их знакомства никогда обоими не сообщалось. Известно лишь несколько фактов, указывающих на причины их сближения. Профессор Чеморгин и Еся держали обширные библиотеки с зарубежной литературой, были полиглотами, владея около семью языками не ниже порогового уровня.

Для профессора Чеморгина это оказалась третья близкая знакомая. Радовало то, что у самой Еси профессор Чеморгин был четвёртым. Но казалось вероятным, что эти числа более не сдвинутся. Проверить слово «аптека» словом «оптика», как это сделал третий ближний к Есе знакомый, на

чём их знакомство и завершилось, профессор Чеморгин не мог априори.

Они встречались между третьим и четвёртым уроком каждые два дня. За это время профессор Чеморгин всегда наблюдал в руках Еси дневник. Он видел такие дневники с цепочкой, которые обычно предназначались для разжигания мыслей о сценарии мыльной оперы: «Дорогой дневник, я влюбилась!..». Нет, подобную структуру мыслей профессор Чеморгин категорически не воспринимал. Зато, увидев однажды написанное в дневнике госпожи Кремник, весь поток его мыслей и идей устремился на волю. Профессор Чеморгин испытал удивительный культурно-научный шок.

На выезде из города расположен магазин с названием на латыни. Первыми буквами в названии значатся «sh», передавая звук /ʃ/. В немецком для соответствия этому звуку необходимо между «s» и «h» поместить «c». Во французском языке для передачи /ʃ/ и вовсе используется «ch». 90% покупателей магазина составляют дачники. Невозможность отнести увиденное слово к тому или иному языку потенциально заставляет покупателей усомниться в своих умственных способностях, что вынуждает их обходить магазин стороной».

Вышеуказанный магазин проработал на точке чуть больше трёх месяцев, после чего исчез.

Как же выглядела написавшая это? Она была миловидна собой, в отличие от профессора Чеморгина более чем открыта. Подкрашивала концы волос в голубой цвет, была натур-

щицей в местной школе изобразительного искусства, так как могла просидеть часами, не сдвигаясь, обладала гибкостью и могла спокойно пролезать через щели широкого забора.

— А после четвёртого урока пойдём в столовую и поедим как нормальные люди.

Профессора Чеморгина обслуживали в столовой особенно тщательно и вежливо. Впрочем, так, по всей вероятности, обращались с любой персоной, которая умудрялась приносить в кассу до пятисот рублей за день. Каким образом выходила такая сумма, одному шеф-повару известно, но факт оставался фактом. Профессор Чеморгин относится к тому типу людей, которые предпочитали завтракать и обедать в местах общепита, одновременно делая заметки ручкой «Parker» из коллекции «Duofold».

Они стояли у подоконника рядом с батареями, которые закрыты решётками. Эти решётки обладали на редкость особенной историей. Не случилось ещё в жизни школы такого года, когда кто-либо из пятиклассников не умудрялся просунуть туда голову.

Но никаких дружеских и тем более романтических чувств Еся к профессору Чеморгину не испытывала. Это был самый неприятный для неё человек со времён старой школы. Если бы она серьёзно когда-нибудь рассматривала отношения с профессором Чеморгиным, её бы домом стала библиотека. Выбрала она молодого учёного на два года лишь для того, чтобы до конца учёбы не повторились с ней те неприятно-

сти, которые уже случались. Еся прекрасно знала, как развивать отношения, и могла растягивать их насколько угодно. От неё требовалось даже не что-то говорить, а просто быть рядом. Но Еся всегда помнила: в первый же день после получения аттестата она даже телефон поменяет, только бы никогда больше не знать Илью Павловича Чеморгина.

— Илюша, Илюша... Иди в столовую один.

— Дела после четвёртого?

— Я кошелёк забыла, а обузой быть не хочу.

— Обуза с моими деньгами на руках представляет для меня особую ценность, — рассмеялся профессор Чеморгин. — При росте в 153 сантиметра и при весе в 49 килограммов ты можешь питаться сколько захочешь и когда захочешь. Не знаю, как ты, а я за первые два месяца наших встреч похудел на 20 килограммов.

— Спасибо, что говоришь об этом на весь коридор...

— Поверь, я быюсь за твой сегодняшний рацион не потому, что хочу тебя откормить, а потому, что, будучи голодной, ты ужасно злая. — «Вот же подлец», — слышалось рядом. — Возьмёшь всё нужное, верхний предел не устанавливаю.

— А нижний?

— А нижний... нижний будет.

На том они и разошлись. Говоря о «нижнем пределе», Еся спрашивала, есть ли у профессора Чеморгина деньги вообще. Смотря на её удаляющуюся фигурку, он похлопал себя по плечу, после чего устремился прочь с этажа. И тут пред-

ставляется главная загвоздка. У профессора Чеморгина не было с собой ни копейки.

Тем не менее, если профессор Чеморгин заверил Есю в своей материальной обеспеченности, значит, уже утвердил для себя, что к началу следующей перемены необходимая сумма у него будет. Подойдя к расписанию, он начал изучать расположение уроков немецкого языка по дням. Профессор Чеморгин застал ещё те времена, когда немецкий язык преподавали по группам, теперь же — единым классом. Ему не составило труда обнаружить седьмой класс, у которого четвёртым уроком стоял этот предмет. Восемнадцатый учебный час по программе. А учитывая, что через каждые шесть уроков дорогая и любезнейшая Надежда Александровна проводила контрольные работы, предварительно собирая тетради, у профессора Чеморгина сегодня намечался праздник.

Первым делом он направился в библиотеку за учебниками седьмого класса. Любезнейшая заведующая, Лидия Николаевна, разрешала профессору Чеморгину свободный вход в книгохранилище. Такое уважение в её глазах он заработал, три недели переноса учебники из одной школы в другую. Кроме него за эту работу не взялся никто.

Профессор Чеморгин очень уважал учебники по немецкому как второму иностранному. В них давалось на порядок больше материала, чем в учебниках английского языка. Авторы словно поставили перед собой цель подготовить учеников к сдаче экзамена по немецкому языку. И с такими

темпами подготовки это было вполне возможно. Некоторые учебники немецкого и вовсе опережали своё время. Понятие «причастия» в них давалось раньше, чем в учебниках по русскому. Так, профессор Чеморгин отлично помнил, что эту тему ему объяснила учительница немецкого языка и только через две четверти — учительница русского.

Он не удивился, когда увидел на первых страницах «Partizip II», за которым почти впритык следовала таблица артиклей в дательном падеже.

— «-ver, -er, -be und -ieren: kein ge- notieren»... Всё ясно.

Теперь уж профессор Чеморгин был готов к началу «интеллектуального рейдерства». Захватив по пути куртку, он проследовал в единственную неотапливаемую часть здания. Какое же счастье буйствовало в мыслях профессора Чеморгина, когда тот увидел бедных, замёрзших детей в количестве двадцати восьми человек.

«Also, Kinder! Achtung! Hört mir zu!»

В коридоре наступило мимолётное затишье.

— Хотите получить две пятёрки? Тогда тетради и учебник ко мне. Одна тетрадь — двадцать пять рублей, ответы к контрольной — ещё двадцать пять. Переводим деньги на вот эту чёрную карту. Если нет пятидесяти, переводим всё, что есть.

Прекрасное знание лирики Гейне, Клейста и Фалько играло здесь не последнюю роль. Профессор Чеморгин уложился в десять минут и теперь мог не волноваться об исполнении

данного обещания. В противоречие себе он обычно слышал две самые популярные отговорки: первую — «Мы технари, а не гуманитарии», и вторую — «Мы вас боимся». Профессор Чеморгин и сам вспоминал, что на перевод первых трёх страниц одной книги на русский язык у него ушло две недели.

Он пытался завлечь людей знаниями, показывая свои умения, но, получая в ответ пустоту, уходил ни с чем. Здесь подведём итог тому, с чего мы начали эту главу. Почему люди не могли связать пяти слов в одном предложении? Почему стремление к знаниям нынче настолько обмелело? Профессор Чеморгин оставался одним из немногих переводчиков, которые пользовались бумажными словарями. И это о чём-то да говорило. В настоящем году уже не нужно запоминать сотни номеров. Достаточно телефонных книг. Память как инструмент теперь никуда не годится.

Но пока остаются люди, которые без карт найдут, каким образом добраться до любой улицы города, а может, и проведут по ним за собой остальных, быть может, остаётся некая надежда, покуда радиоволнам не удалось заглушить человеческую душу.

Глава 5

В жизни профессора Чеморгина, несомненно, происходили события, когда люди отдавали ему должное за оказанную когда-либо помощь, потому что быть самого лингвиста также не обходился без различного рода проволочек.

Порой Ситников, живший с известным человеком на одной улице, звонил тому, возвещая о начале большой беды словами: «Профессор, хана!», исходя из чего и последний не мог отказать себе в этом удовольствии. Важно понимать: профессор Чеморгин звонил действительно по очень важным вещам. В итоге, когда «счастливец» видел на телефоне заветные цифры, это означало, что, вероятно, о любых делах придётся забыть.

Обычно друзья собирались на дому у Ситникова, объединённые одним желанием: поесть шашлыки на пару. Ситников, надо признать, готовил в промышленных масштабах, и за все годы жизни в квартиру к нему четыре раза приходила пожарная инспекция, но, не обнаружив огня вовсе, выписывала рекомендацию и уходила. В глазах всего подъезда Венья выглядел человеком, который из любой ситуации может выйти невиновным.

В быту Ситникова всегда можно было наблюдать с папочкой зелёного цвета, в которую он постоянно вносил какие-то пометы. По завершении месяца с этой папочкой он направ-

лялся в районное участковое отделение. Никто не знал, что на самом деле записывал Веня в эту папочку, но из дома постепенно начал исчезать запах табака, ночной шум, а те, кому нужно было выгулять собаку, обходили дом Ситникова за триста метров.

Хотя хранитель подъезда Вениамин Николаевич представлял собой обычного адвоката-цивилиста, то есть специалиста в области гражданского судопроизводства, в округе об этом знал лишь профессор Чеморгин. Поэтому, находясь с ним в близких отношениях, Ситников первым отвечал ему на звонок, пусть тот и просил помощи редко.

Ориентировочно в десять часов вечера на аппаратную (так Веня называл домашний телефон) от профессора Чеморгина поступил сигнал бедствия.

— Слушаю!

— Друг мой, добрый вечер!

Профессора Чеморгина на линии услышала вся семья Ситникова. По условному сигналу мать, отец, бабушка и сестра закрылись на кухне, чтобы, не приведи Господь, общению Вени с профессором не помешало хоть что-то.

— Алло?

— Слушай, Веня, ты не знаешь адрес ближайшей мастерской? У меня на компьютере петля слетела.

— Профессор, ты главное держись! Я что-нибудь до утра придумаю! Давай!

— Да у меня и так всё есть...

Но последнюю фразу профессор Чеморгин произнести не успел. Ситников повесил трубку и лихорадочно смотрел на часы. Время шло. «Техника, техника, техника». От самого этого слова в голове отдавалось: «Аверин, Аверин, Аверин».

Тёма Аверин учился в политехническом институте и обладал обширными связями с общественностью. Единственной проблемой могло оказаться то, что Аверин жил далеко от театра наших основных событий и добирался до компании друзей на такси или автобусе.

Но это ничуть не помешало Ситникову позвонить Аверину, когда часовая стрелка уже клонилась к двадцати трём часам.

— Тёма! Нужна помощь!

— Веня, я за городом! Я в любом случае не смогу помочь тебе в ближайшие два дня!

— У профессора беда!

Дыхание в трубке пропало. Аверин на другом конце провода оторопел. Правда, столь же быстро оттаял и куда-то понёсся. Какое-то время в телефоне Веня слышал один только шум ветра.

— Говори! Я бегу к машине!

— У него вылетела петля на компьютере!

— На компьютере? На стационарных компьютерах не бывает петель... Он, похоже, хотел сказать про ноутбук. Когда есть проблема с одной, надо проверять вторую. Короче, я сейчас вылетаю за инструментами на маршрутке, созвонюсь

приблизительно через два часа.

— Давай.

Вся ночь Ситникова прошла в думах о том, как помочь профессору Чеморгину, хотя у него самого завтра должны были пройти два сложных практических занятия. Но Ситников знал: пока он не поможет профессору Чеморгину, в институт не пойдёт. Веня вспомнил следующий эпизод своей жизни.

«Профессор!» — «Слушаю». — «Два часа ночи! Ты не спишь?» — «Я работаю над твоей курсовой». — «Как же так можно над собой издеваться? Я всё и сам сделаю». — «Можно, ещё как можно. Я даже успел пожелать доброго утра госпоже Савасё из Фукуоки, чего она крайне не ожидала. Durmo. Se sonho, ao despertar não sei que coisas eu sonhei».

Пришло утро. И в восемь часов звонок уже раздался в комнате профессора Чеморгина.

— Да?

— Профессор, у тебя же в четверг учёба с четвёртого урока? С десяти двадцати, да?

— Да, с десяти двадцати.

— Будь у моего дома к девяти часам. С Зосимовской едет Аверин.

За час Ситников навёл полный порядок в квартире. Он даже подготовил куртку на тот случай, если Аверин пойдёт что-то спаивать. Сестра Маруся ушла в школу, можно было работать.

Профессор Чеморгин появился на пороге даже чуть раньше положенного. В его взъерошенных волосах прослеживалось что-то общее с шёрсткой опоссума.

— Как я выгляжу?

— Как участник годовой геологической разведки. Заходи.

Независимо от того, когда вставал, профессор Чеморгин говорить связно мог лишь к шестнадцати часам по токийскому времени. Поэтому, чтобы срочно привести профессора Чеморгина в чувства, Ситников насыпал в стакан чай пуэр ложкой не самых малых размеров с верхом и заварил. Вода мгновенно окрасилась в тёмно-коричневый цвет. От одного глотка рот у Вени онемел, хотя чай был горячим.

Но когда Ситников подал заварку профессору Чеморгину, тот без капли эмоций выпил всё залпом, отвлечённо глядя в никуда. После, увидев перед собой испуганное лицо Вени, слегка поднялся в кресле, продолжая сидеть, и отдал стакан владельцу.

— Найти что-нибудь огнеупорное, снова немедля залей крутым кипятком, поставь на огонь, через несколько минут сними. Особенно высоко ценится третья и четвёртая заварка, выдержит до семи.

— Профессор, ты живой? Или передо мной сидит уже человек без души?

— Структура моей души носит собирательный характер. Частицы её лежат в десятках стран. Я потерял всё, я потерял связь, информацию. Вчера ещё я был в Тулузе, позавче-

ра — в Бостоне. А сегодня вернулся сюда. Обстоятельства вытащили меня из каждой точки, до которой я только мог добраться, и ниспустили до уровня этого города. Считай, что моя душа разлетелась вдребезги.

К той секунде раздался спасительный стук в дверь. Ситников бросился в коридор без лишних слов. После щелчка цепочки в дверях появился аккуратный молодой мужчина атлетической комплекции с чемоданом в руках. Из-под очков с желтоватым отливом смотрели глаза человека, который, пустив навстречу друг другу два металлических шара, мог за считанные секунды сказать, сколько тепла выделится при их столкновении с точностью до четвёртой цифры после запятой. Тимофей Аверин прибыл на место.

Окончивший два курса за один, Тимофей Кириллович Аверин представлял собой особый пример благотворной работы бывшего технического университета. Аверин одинаково хорошо справлялся с любой работой, где приходилось что-либо клеить, сваривать, паять, наплаивать, пилить, резать, строгать и обрабатывать. В недалёком прошлом они с Ситниковым были одноклассниками, пока не разошлись по социально-экономическому и техническому профилю.

— Где наш пациент?

— В чёрном мешке. И давай побыстрее. Если ты не сделаешь пациента по своей части, будем работать с пациентом по части Ренаты.

— Нет, нет... не надо этого. В прошлый раз, когда он ле-

жал в больницу, целая палата шестиклассников пела «Дружба — Freundschaft» на всё отделение две недели. Привет, профессор!

Профессор Чеморгин незаметно кивнул.

Когда из того самого чёрного пакета извлекли содержимое, стало понятно, чего так сильно опасался Ситников. Это был уже не ноутбук, а сложенное пополам нечто с одной оторванной петлёй. Вероятно, всё началось из-за трещины в корпусе: профессор Чеморгин, не увидев её, закрыл компьютер, после чего тому пришёл «окончательный конец». Изпод петли вылезало несколько проводов разного цвета, некоторые из них представляли собой оторванные куски. Итог один: ноутбук всё же открывался без труда, только без угла корпуса.

— Выглядит плохо...

— Выглядит отлично, — заявил внезапно Аверин. — Сейчас мы его ещё включать будем.

— А... он не вспыхнет?

— Да нет, не должен, — ответил Тёма, осматривая оголённые провода.

Аппаратура включилась без проблем. Не работали акустическая система и сетевые приводы. Но профессор Чеморгин словно того не замечал. Ему было достаточно видеть перед собой горящий экран. Он уже всю беседовал с Ситниковым и, казалось, начинал оживать. Вся переводимая литература и словари находились у профессора Чеморгина дома в

бумажном виде именно для таких случаев.

Одному Аверину во всём этом что-то не нравилось, и не нравилось не беспричинно. Пытаясь узнать, какая часть компьютера уцелела после поломки, он поднял всё.

— Хотите вы того или нет, но нам придётся выбираться на улицу. У меня нет эпоксидной смолы, чтобы заделать трещину. Пойдём к моим друзьям на третий этаж «Ярославского». Попробуем выиграть время так, чтобы сразу после школы профессор смог получить ноутбук обратно.

Таким образом, навстречу торговой галерее выдвинулась троица спящих авантюристов. На улице некстати выпал первый снег, закрыв белым крышу того самого «Ярославского» — самого большого торгового дома улицы. О коридорах «Ярославского» и множестве магазинов внутри Ситников знал и так, но вот факт наличия в здании аж целого третьего этажа успешно обходил его все годы жизни.

Третий этаж, как бы это удивительно ни звучало, существовал на самом деле. Покупателей от него отгоняли лишь звук непрекращающихся строительных работ и железная дверь, которую никто не решался открыть. Всю дорогу Ситников уверял Аверина в своей правоте, но, когда лестница в одночасье изменила ему, неожиданно повернувшись на полпути, Тёму пришлось послушать.

За дверью встретился небольшой порожек и ещё один огромный коридор. Смотря на совершенно новое для себя место, Ситников начал было догадываться, каким образом к

сэру Льюису Кэрроллу пришла идея написать начало «Алисы в Стране чудес». Видимо, в тот момент у него тоже что-то сломалось.

Искать не пришлось: прямо здесь располагался вход в сервисный центр. Первым из всей троицы в мастерскую зашёл Аверин. Обнаруженное место представляло собой приличный магазин. Теперь стало ясно: никаких строительных работ на третьем этаже не шло. Шли работы ремонтные.

Из-под стола показалась фигура одутловатого человека в рабочем фартуке. Одна его реакция годилась для того, чтобы написать целую картину.

— Тимофей Кириллович, родной вы наш!

— И вам долгих лет жизни, Рустам Фёдорович. Рад, что наши совместные работы по проектированию дали рациональное зерно.

— Будет вам, будет! Ведь если бы не ваша воля, ходить бы сейчас моей дочери в этот отвратительный юридический колледж. Юристов у нас теперь развелось больше, чем собак в приютах! Благодаря вам учится по технической специальности.

Позади всю эту беседу слушал Вениамин Николаевич Ситников, студент четвёртого курса юридической академии Северо-Западного филиала МГЮА. Знаний у него в голове хранилось столько, что за две недели он смог бы закрыть целый этаж и сделать так, чтобы железная дверь на входе, как и в годы его прежней юности, более не открывалась. Но про-

фессор Чеморгин всем своим видом решительно выступал против этого.

— Так что же у нас?

— Поломка ноутбука. Петля и трещина в корпусе, — выложил Аверин пакет на стол. — Сколько всего?

— Четыре тысячи пятьсот рублей... Но для вас цена особая. У нас минимум двести пятьдесят по базе. Договором, правда, всё равно придётся оформлять.

— Оформляйте. Человеку работать нужно, он востоковед.

Мы называем его Тёмой Авериным, но в университете у этого живого воплощения всей эстетики красноречия было и второе имя. «Скидочная карта». А почему — размышления излишни. Так, после тщательной вычитки Ситникова договор оказался подписан. Ноутбук обещали починить через несколько часов. Профессор Чеморгин с сопровождающими собирался уже покинуть магазин, но внезапно его окликнули.

— А, раз уж вы востоковед, не сочтите за трудность: мне тут материалы пришли, всё на китайском и... — взвалил продавец ящик на стойку.

— Это корейский. Прошу прощения, приблизительно через тридцать минут продолжится мой мученический путь к защите кандидатской диссертации. Но я мог бы посоветовать вам отличную переводчицу с корейского языка. — Профессор Чеморгин знал: как только на этом месте появится Есения, она вернёт ему и эти двести пятьдесят рублей.

Закончилось очередное утро. Троица уходила к выходу.

Взаимовыручка ценилась во все времена. Но в нынешнюю пору проявлять её друг к другу стало тяжелее, чем перейти через дорогу. Времена меняются, чувства остаются. И ведь, возможно, именно благодаря этому мы всё ещё можем воспринимать послания из прошлого столетней, двухсотлетней давности. Даже не потому, что язык один, — одним остаётся наш «духовный код». Вопреки всему, эта история тоже станет прошлым. Но она написана не о какой-то жестянке, не о третьем этаже, не о зиме, не о деньгах. А о чём же? Рассудит завтрашний день.

Глава 6

Этот разговор начался весьма неожиданным образом...

— Ситников, где тебя носит?

— Профессор! Я в областном суде!

— Обл... суде? Как тебя туда занесло?

— Как-как... Это наш Святой Грааль! Кстати, ты не хочешь для себя бесплатную юридическую консультацию? Она обойдётся абсолютно недорого!

— Спасибо. Мы ждём тебя на раздаче.

— Я прибуду на первой маршрутке.

Само собой, прибудет он не на первой, не на второй и даже не на третьей. Профессор Чеморгин знал это на личном опыте. С друзьями стоял он на раздаче в кафе первого этажа огромного выставочного комплекса. Сюда прибывал весь городской транспорт минимум три раза в день, но проблема состояла в том, что не каждый Вениамин добирался до остановки в положенный срок. Особенно если речь шла о Ситникове Вениамине Николаевиче. Тот никогда не появлялся вовремя, ссылаясь на исторические факты, которые прямо доказывали важность его имени. Ведь Вениамином крестили не одного императора, а знать, выходит, всегда могла задержаться.

И вот сейчас этот император сядет в свою императорскую маршрутку и домчит до нашего светского собрания за сорок

пять сребреников, если не встретит на Горбатом мосту лютое столпотворение.

Рядом с профессором Чеморгиным сегодня стояли двое. Тимофей Аверин и ещё одна персона, чьи внешность и манера речи ранее были нам незнакомы. Эту девушку мы несколько раз упоминали вскользь, но никогда прежде та не появлялась лично. Её звали Рената, и общество профессора Чеморгина она посещала не часто, ведь дорога домой от Северного государственного медицинского университета была отнюдь не лёгкой.

Во время своего короткого посещения компании друзей она оставалась тиха, но это совсем не означало, словно её мнение никто не слышал. Напротив, Рената говорила мало, но в те даже несколько секунд перед ней замолкал даже неугомонный Ситников, переговорить которого едва ли представлялось возможным. И сегодня она скромно кивнёт, лишнего себе не позволит. Ренате нравилось слушать, только и всего.

Потребности профессора Чеморгина редко какое кафе могло осилить. От одного слова «гёкуро», японского зелёного чая наивысшей категории качества, глаз начинал дёргаться у двух десятков поставщиков. Поэтому единственным решением было просто предоставить профессору Чеморгину горячую воду, а уж что он с этой водой будет делать...

Итак, пока Аверин рассуждал за столом о системе угольной очистки воды, прошло бессчётное число мгновений, и

на пороге первого этажа появился господин Ситников. Одна Рената махнула ему рукой, пока профессор Чеморгин с Авериным проводили над чайником очередное «органолептическое тестирование» с материалом на сумму в несколько тысяч иен.

— Доброго дня, товарищи! Для кого чай настаиваем?

— Сейчас ещё Еся подойдёт, — ответил на вдохе профессор Чеморгин. — Возьми себе горячий шоколад. Там как раз новый шеф-повар.

— Новый? Схожу-ка я на разведку.

Подойдя к стойке, Ситников обратился:

— О, милое создание! Не найдётся ли у вас минутка обслужить защитника закона?

Он заказал достаточно блюд и любимый горячий шоколад. Но по мере того, как напиток приближался, вид у Ситникова становился всё хуже и хуже. Это заметил и профессор Чеморгин. Наконец Веня сел за стол.

— Профессор, давай лучше чаю.

— Что случилось?

В ответ Ситников подал стакан. Вглядевшись, профессор Чеморгин зажмурил один глаз и рассмеялся вслед за Ренатой и Тёмой. Находясь в чуть растопленном шоколаде, под прямым углом прямо у носа Ситникова в стакане стояла деревянная ложка.

— Это...? — подняла глаза Рената.

— Шоколад ваш горячий. Безводный. От нового шеф-по-

вара.

И тут почти у самого уха Вени раздалось:

— Красота какая... Можно к вам?

Профессор Чеморгин, стоило ему услышать голос, отложил книгу в сторону и был приятно обрадован тем, что его ожидания совпали с действительностью. С деревянного ограждения кафе свисали руки Есении Кремник.

Она быстро заскочила по лестнице и направилась к столу, только сегодня вернувшись из Ярославля. Вся компания оценила её внешний вид. Сегодня Еся блистала во всех смыслах и отношениях. Даже по меркам этой девушки такой марафет заслуживал отдельной похвалы. Тени, блёстки и румяна. Но на общем фоне она прежде всего выделялась покрашенными в персиковый цвет натуральными волосами.

— И откуда ты к нам на сей раз? — нашёл первым слова Тёма.

— Я с фестиваля косплееров.

Значение этого слова было ведомо одному профессору Чеморгину. Косплеем назывался вид искусства, в котором задачей становилось перевоплотиться в любимых персонажей книг, фильмов или иных произведений. И во всех странах мира находились люди, которым это не просто доставляло удовольствие, но и получалось на редкость красиво. Удивительно красиво.

В нашем же случае Еся предстала перед всей компанией в образе одного китайского мифологического духа. И пона-

чалу никто и правда не видел в образе Еси отличий от человека, если бы Ситников не всмотрелся внимательнее. Промеж волос книзу стремились отростки снежной белизны, похожие на рога лани.

— Сеня... Это... кто с тобой такое сделал?

— Он, — многозначительно показала Еся на профессора Чеморгина, который полностью ушёл в книгу с английским названием «Handbook» на семьсот с лишним страниц. И справочник, вопреки названию, был настолько большой, что в руки-то не помещался.

— А эти рога не отвалятся?

— Я, по-твоему, троллейбус, чтобы у меня рога отваливались? Это образ Цилянь, китайского существа, приносящего благодать и долгие годы жизни.

— И раз уж вы заговорили о Востоке... — внезапно донеслось от Ренаты. Как и полагалось, все перевели глаза на неё, а профессор Чеморгин отложил книгу в сторону, поставив руки на локти и опустив кисти. — Илюша, я к тебе по делу. Нужен перевод одного предложения с японского языка.

— Я весь внимание.

Рядом с книгой профессора Чеморгина тотчас появилась ещё одна книга — подарочное издание французских сказок. У переводчика в голове возник диссонанс. Само собой, он был уверен, что ни одного иероглифа там не найдёт, но Рената поспешила его заверить:

— Помнишь моего одноклассника Максима Пашкова?

Профессор Чеморгин кивнул.

— Конечно, он учится на отделении германской филологии в Калининграде.

— Так вот оно что... — Рената отвела глаза в сторону. Другие отвели глаза вслед за ней, и ту мысленную волну надо было видеть. — Я этого не знала. Понимаешь, два года назад он был у меня на именинах и подарил одну книгу. Вот эту. Сказал, что на форзаце оставил приписку по-японски, мне непонятно зачем. Я всё равно бы не смогла перевести. Поставила на полку, прошло два года, а когда прибиралась, то нашла её и вспомнила о тебе.

— И ты хочешь, чтобы я перевёл тебе письмо двухлетней давности? — Вместо ответа Рената начала перелистывать страницы. — Я переведу, хотя ты должна знать одна. Это писал Максим двухлетней давности, повторяю. Мне не припомнить и одной десятой его новой жизни, поэтому дам совет. Смотри в прошлое с оглядкой на настоящее.

Профессор Чеморгин не знал, как и сказать Ренате. Он был знаком не просто с Максимом — он помогал всем, у кого не ладились отношения с немецким языком. Максим в это число входил и только по данной причине знал профессора Чеморгина.

Перед глазами у всех появился форзац книги. В аккуратном месте несколькими быстрыми и небрежными штрихами было выведено послание:

«С днём рождения! Желаю счастья, здоровья и от себя хо-

чу сказать...

Kimi no koto ga suki nan da».

— Уй! Эм... хё... Кими... но... Уй!

Секунду профессор Чеморгин так и корпел над тайным посланием, пока не облокотился на диван и, прикрыв ладонью рот, не начал смеяться долго и непринуждённо.

— Максимка, ты гений!

— Что там такое? Что? — низко обратилась к профессору Чеморгину Еся. Тот передал ей книгу, запыхаясь. — Ам... Боже... Это, это можно говорить вслух?

— Главное — как подать. Самым эстетичным способом! Ну, Максимка! Наш человек!

Эти двое находились в каком-то своём мире, пока Ситников с Авериным переглядывались, чтобы понять, не обратили ли уже на них удивлённые взгляды прохожие. Расслабив руки, профессор Чеморгин заключил:

— Это очень положительное послание. Его можно перевести в двух вариантах. Либо: «Ты мне нравишься»...

— Либо: «Я тебя люблю». В зависимости от отношений, — закончила Еся.

Ситников и Аверин окаменели. Их обоих схватил такой ступор, что, если даже постучать по темени, никто бы не ответил. Рената лишь повела бровью.

— И всего-то? По-русски написать была не судьба?

— Видимо. Но, знаешь, это ещё нормально. — Еся как раз вставала за заказом, успевая добавить фразу. — Есть люди,

которые корейской азбукой такое на снеге во дворе выводят.

— Так, забыли... — залез в книгу снова профессор Чеморгин. — Что дальше, подруга дорогая?

— Последую твоему совету и пойму разницу в два года. — Так и завершилась прогулка по воспоминаниям.

«Алло, Макс». — «Профессор?» — «Есть разговор». — «Давай быстро, а то у меня перед глазами Гейне маячит... Лаб... Лас ди хей...» — «Laß die heil'gen Parabol'en?» — «Ты-то откуда знаешь?» — «Вас там в Балтийском университете уму учат или на флоте? Эсцет к третьему курсу прочитать не можешь». — «Если спасёшь с произношением, отвечу на все твои вопросы. Мы такой ужас учим». — «Слушай, рядом со мной стоит девушка с рогами. Кому из нас, по-твоему, должно быть страшнее?» — «С... с какими рогами? Ладно, что там?» — «Ты оставлял очаровательное послание Ренате два года назад на японском языке?» — «Ты-то откуда знаешь?» — «Работа у меня такая. Я его перевёл. Итак, как только ты приезжаешь домой, я покупаю вам билеты в кино на самые лучшие места. Никаких отказов. Два часа посидишь — и свободен». — «Понял. Это хотя бы не как ты под окнами в минус двадцать восемь...» — «Так, забыли!»

Глава 7

Еся переехала сюда два месяца назад. Она ещё слабо ориентировалась в улицах и дворах, но что-то начинала понимать. Больше не придётся добираться из одной части города в другую. Учиться будет почти что на своей улице.

Последний раз сойдя с автобуса, проезд на котором она оплачивала без малого восемь лет, Еся поставила свою сумку около остановки. Там лежали документы по переводу, медицинские карты и личные дела. В следующем году призёрство в региональной олимпиаде, на которое она рассчитывала следующей зимой, могло добавить ей десять баллов к рейтингу, но и без этого всё выглядело довольно хорошо.

На остановке висели рекламные листы, афиши концертов и приезжих цирков. Возможно, Еся и сходила бы на что-нибудь, если бы только семья её не сосредоточилась на готовящейся поездке за границу, отложенной на неопределённый срок.

В тот год перенеслось всё. В этом и есть причина. Полтора года Еся готовилась к сдаче первого международного экзамена — это открыло бы ей прямой путь к карьере переводчицы. Но две недели назад долгожданное событие отменили. Ничего не получалось. Еся не впала в отчаяние, не понеслась жечь тетради: после полученного известия она решила соотнести отрицательные и положительные стороны. Да, време-

ни на подготовку у неё хватит сполна, но вот реализация себя... Всё теперь вторично.

«Канцелярия небесная, утешьте меня материально, пожалуйста».

Оставалось только положить проездной в чёрную сумку, как-то втиснуть его между наваленными учебниками. Ей пришлось наклониться так, чтобы не запачкаться в буром снегу, скрыться от каждой снежинки. Любая влага для книг губительна.

Но стоило распахнуть первую секцию...

— А?

Портфель правда оказался тяжёл, только внутри него лежали не привычные учебники, а нечто иное. Еся заметила это сразу. Большое и заметно превосходящее по размерам всё, что она когда-либо носила в этом портфеле. Сняв с правой руки перчатку, Еся вытащила чёрный ящик за долю секунды, будто бы в следующий миг наваждение исчезло бы.

Перед ней находился самый настоящий ноутбук. Пусть зеркала рядом не было, но Еся точно знала, что произошло с её глазами, которые расширились на пределе возможностей. Стоящие рядом наверняка могли подумать, что она видела этот ноутбук впервые. Но Еся действительно видела такое первый раз за всю жизнь.

Судорожно она начала перебирать всё содержимое сумки. Вместе с компьютером обнаружился планшет, расписание городского транспорта, тряпочка для очков, упаковка

линз и громадные по меркам Еси справочники. Распахнув первую попавшуюся книгу, счастливица прочитала первую строку на странице:

«Статья 1119. Свобода завещания».

— Гражданский кодекс?

Это не видение. Даже мельчайший намёк пропал. Оставались факты. Еся перепутала сумки. Вопрос — где? Вопрос — с кем? Ещё в автобусе она читала старые конспекты, выходила с тем же портфелем по весу. Вывод оставался один. Размен произошёл прямо на этой остановке. Метнувшись к перекрёстку, Еся подготовилась к тому, что сейчас ей придётся осматривать каждого человека. Вопреки её ожиданиям, поиски завершились, едва начавшись.

Больше всего внимания на улице привлекали два идущих впереди друга, один из которых рассказывал другому байки, попутно жестикулируя и переходя на шумное рокотание. Именно на его плече держалась сумка Еси. В точности такая же, как найденная на остановке.

Два путника зашли за угол двора. Еся бежала за ними с перерывами, пытаясь окликнуть, но идущие, скорее всего, обсуждали столь важные вещи, что не слышали никого, кроме себя. Время не собиралось жалеть её. Еся не видела перед собой дороги, она держала взгляд на сумке. По пути ей встретились здание тира и маленький бытовой магазин. Еся могла заметить его краем глаза, жаль, посмотреть вниз не додумалась. На ходу она почувствовала, как врезалась во что-

то, и еле удержалась. Было больно, но терпимо.

Споткнулась Еся о керамическую вазу, которая кубарем покатилась с холма на дорогу. Страшный, прежде невиданный для неё самой, гул прошёлся по всей округе. Ею овладел такой холод, что и тепло мартовского солнца не согрело бы. За окном тотчас раздался крик:

— Ты слепая? — последовала незамедлительная реакция.

На шум первой выбежала управляющая магазином. Увидев глиняные осколки, она во всеуслышание ахнула оперным контральто так, что бедную Есю прижало к стене.

— Как можно было не заметить цветочный горшок? Как, скажи мне?

— Я... Я за сумкой...

— Нужна мне больно твоя сумка! Ты мне горшок верни, тогда и говорить будем!

Казалось, расплата была неминуема. У Еси едва хватало на очередной автобусный билет, куда уж цветочные горшки. Она вся взмокла. И казалось, спасения ждать не придётся.

— Позвольте, какая сумка?

В сей момент у двери на пружинном доводчике за событиями наблюдали двое молодых людей. Выходили оба при том так, словно сам магазин принадлежал им. Из-под курток высывались турецкие кардиганы, и по общему виду можно было предположить, что друзья эти вместе побывали на одной распродаже, что, впрочем, было недалеко от истины.

Еся не с первой попытки вычислила их: ведь, увидев

прежде одну только спину, опознать человека по лицу — задача не из простых.

— Профессор? — обратился к стоящему впереди него компаньону достопочтенный Вениамин Николаевич Ситников. — Что случилось?

— Да, видимо, нашла я того, кто целый день у меня в прачечной отработать желает! — подхватила владелица. — И желание не иссякнет, покуда не отработает эта прекрасная барышня все деньги. Ну, а вдруг у неё сейчас в карманах не найдётся двух тысяч пятисот рублей.

Хотя Еся в жизни попадала во множество неприятностей, впервые за два года к её глазам подступили слёзы. И неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы...

— Ну, во-первых, не пятиста, а пятисот. — Своё слово наконец сказал профессор Илья Павлович Чеморгин. Именно он оказался одним из представителей этой пары первых встречных сегодня. — Послушайте, давайте три. — От его предложения голос потеряли все, даже привыкший ко всему товарищ Ситников. — У меня только крупными. И на том расходимся.

Рука Вени мигом оттащила затейника за стену, но Еся, которая за описанное ранее время перестала что-либо чувствовать вовсе, услышала их разговор. Ей оставалось лишь удивляться происходящему.

«Что у них с глазами?» — «А? Ну, знаешь ли, не каждый человек способен взять и вынуть из кармана три тысячи» —

«Безусловно, ведь не каждый владеет тремя языками и работает на три фронта. А теперь погляди на её сумку, пойми, наконец, что вот где у вас произошёл размен, и именно из-за тебя она запнулась за эту вазу, а также представь, каково мне объяснять всё это».

Ситников вышел к ожидающим с круглыми глазами.

— Профессор, я должен буду.

— Конечно, будешь, — подтвердил профессор Чеморгин, доставая кошелёк.

Размен состоялся чрезвычайно быстро, после чего два друга под руки отвели Есю от места происшествия.

— Ты цела? — спросил Веня, проверяя свои вещи.

— М? Ce n'est rien de grave... — отмахнулась от него Еся.

— А? Pardon? — Еся и профессор Чеморгин взглянули друг на друга как на чудо света. — И на каких языках мы ещё говорим? Я с Ситниковым перебрал весь портфель, но хотелось бы услышать лично, кто ты такая.

— Так, простите, вырвалось. Французский, корейский, китайский, испанский, финский ещё... А ты тоже, выходит. Я подслушала.

— Немецкий, японский, китайский, индонезийский, итальянский.

— С-с-с-серьёзно?

— А английский, что, сейчас вообще не в моде? — вмешался Ситников.

В психологии это называется «эффектом подвешенного мо-

ста», когда совместно пережитые бедствия помогают укреплению отношений. Как выяснилось, сам мост не всегда требуется: достаточно просто встать на край пропасти. И, наверное, Еся и сегодня вспоминает, что, не выйди из той двери профессор Чеморгин и Веня, драить бы ей полы неделями подряд. А профессор? Единожды вспыхнув, померкнет та история, и он займётся делом.

По пути Ситников наблюдал за почти каждой дворнягой и, если находил хозяев, спрашивал, какая перед ним порода. Делал он это далеко не из личного интереса. В голове у Ситникова держался перечень особо опасных пород, и не миновать беды владельцу, будь его питомец без поводка и намордника. «Что-то ваша русская борзая больно на бульдога смахивает, бабушка».

Никто не знал истории знакомства Еси и профессора Чеморгина. Но мы вам её по секрету рассказали.

Глава 8

История девушки по имени Есения Яновна Кремник началась на улице Казакова: она родилась 8 мая 2004 года, ещё когда там не стояло универмага на четыре этажа. Улица эта была во многих смыслах необычная, потому что к северу от неё через несколько лет появился тот самый универмаг. Но к югу, если пройти совсем немного, стояла областная инфекционная больница, а рядом с ней — тем лучше — противотуберкулёзный диспансер. На востоке же в будущем появились уже две областные больницы, офтальмология, перинатальный центр и бюро судебно-медицинской экспертизы.

По маме родом из Оренбурга у Еси была внешность крайне нетипичная для русского Севера. Средней длины лицо, прямой нос, огромные зелёные глаза, белёсые брови, песочные волосы цвета и вкуса пшеничного колоса и ровная кожа без выраженной яркости, холодная, даже оттеняющая собой солнце, совсем не с нежным румянцем, лишь с той малой насыщенностью.

От папы же ей перепал темперамент флегматика — да, именно флегматика, лишённый расторопности и подвижности. Когда кто только его ни видел, никто не решался определить, как точно его назвать: полуживым или полумёртвым. Это была фигура со словно бы подвязанными ниточками — по три пары для каждой стороны, где-то там наверху пере-

путанными. Выступающие вперёд плечи при низко посаженной голове делали его похожим на орлана, поднявшего крылья. Правда, орлану этому хватило бы одного удара палкой, чтобы больше никогда не взлететь. Неизменно вечером он пил по две чашки не кофе, не чая, а именно цикория, продолжая слушать радио и читать газеты, на дух не перенося всего остального, что можно было послушать и почитать. В такие моменты на каждый вопрос он дважды отвечал: «А?», а на третий раз выдавал немногим большее. Подмечая в себе эти же черты, Еся до пяти лет открыто старалась походить во всём на маму, сама не понимая, способны ли ужиться в ней настолько противоположные черты. Папа зато редко хватался за сердце: сил переживать не осталось ведь, как говорил сам, последние силы он потратил на то, чтобы поднять дочь.

Еся Кремник происходила из семьи владельца обанкротившегося лесоустроительного треста, который приходился ей дедушкой по матери. Дедушку звали Филипп Кондратьевич Кремник. Он пришёл в этот город из времён людей с красивыми именами, когда, казалось, Иванов Сидоровых было значительно меньше, чем сейчас, или, может, так просто и правда казалось. Именно он назвал внучку Есением — именем своей недавно ушедшей жены. И хотя подрастающая Еся была ничуть не похожа на неё, дедушка обеспечил Есе прекрасное детство, занимаясь ею в обход родителей. Уже с рождения она воспитывалась параллельно на французском, потому что Кондратьевич не желал слушать, что француз-

ский язык к тому моменту почти нигде не преподавали. Для дедушки это был язык коммунистических союзников в Париже, которым целыми поездами когда-то шли его письма в юности. Конечно, как и многие билингвы, в окружении сверстников Еся начинала думать по-русски, но, оставаясь одна за чтением книги или возвращаясь домой, она возвращалась к французскому — языку её души. При этом никакого кровного отношения к Франции как минимум в пяти поколениях семья Кремник не имела.

В шесть лет на служебном автомобиле дедушки Еся впервые попала в центр города, где и завершилось её домашнее обучение. Подготовительные курсы к первому классу занимали всю первую половину дня, а совсем рядом стояла старейшая школа города.

Базовое педагогическое знание: не бывает плохих детей. В то время семилетняя Еся отличалась открытостью ко всему: здоровалась с каждым незнакомцем на улице, страшно любила смотреть телевизор с чем-нибудь вкусным в руках.

В школе было два корпуса, часть основного корпуса находилась в вечном ремонте. Спустя несколько лет Еся поступила в пятый класс. Было трудно сказать, училась ли здесь элита. Скорее, здесь учились люди с хорошими знакомствами. Но одна девушка, с которой Есю посадили в первый день учёбы, выделялась даже на фоне хорошего класса. Она была дочерью крупного банкира города, со знаковой внешностью, вещами и одеждой. Отношения у Еси с той девушкой

не сложились.

Английский шёл в школе пять раз в неделю. Когда все дети увидели своего преподавателя по английскому языку, то разом переглянулись друг с другом, и по глазам каждого стало понятно: они выбрали самое точное слово, которое описывало её и которому никакой другой синоним не был ни ближе, ни дальше действительного. Других слов просто не было.

Ведьма. Самая натуральная ведьма из сказки.

Правда, в сказке принц пришёл к ведьме, та его съела, и всё закончилось хорошо, а им было суждено встречаться с ней пять дней в неделю, и никто из них, бедных, есть особо не собирался. Выглядела она как женщина далеко за шестой десяткой: с подсушенным лицом, постоянно выглядывающим из-под длинного каре; волос много, но все как будто находились поодиночке; с объёмной конусовидной юбкой до пола из самых простых материалов. Из верхних зубов у неё осталось лишь два передних. Говорила она временами очень странно, медленно, с прорезающей воздух хрипотцой и явным деревенским оттенком, как будто только прилетела с гулянки на метле.

Но самое удивительное, что по прошествии времени ведьма оказалась гораздо добрее соседки Еси. Она увидела в девочке способности и предложила написать муниципальный этап олимпиады по английскому языку за седьмой—восьмой класс. Еся вернулась с олимпиады с призёрством.

С того времени Еся вошла в золотой фонд школы. Её отправляли на все возможные олимпиады. Первая победа, вторая, третья. В восьмом классе она стала первой ученицей в истории области, победившей в региональной олимпиаде по двум языкам. И на одной из олимпиад, на этапе апелляции, она увидела юношу, который владел шестью языками, включая такие редкие, как венгерский и иврит. Но как только Еся подошла спросить, как у него это получается, на неё посыпалась куча вопросов.

— Что ты читала на древнеанглийском?

— «Беовульф»...

— Это-то понятно. Что ещё?

— Нет, но...

— Я читал «Кодекс Аргентиус», «Старший Генезис», Эксетерский кодекс, поэму «Елена», «Исповедь влюблённого».

И тогда Есе стало страшно. Не от того, что юноша знал так много книг, а потому, что к таким людям она совершенно не была расположена. Даже больше: таких всезнающих людей она по непонятной причине ненавидела. Ей хотелось азарта, и азарт не заставил себя долго ждать. Ей этот гений не приглянулся, но вот она ему — очень даже.

Он начал ждать её у школы, знал наизусть её расписание. Словом, к восьмому классу у Еси появился свой личный сталкер. Так как выход у школы был только один, обойти его стороной не получалось. Еся пыталась оставаться в школе часа на два после занятий, но безуспешно. И тогда един-

ственным выходом стал переход в другую школу.

Какое же удивление ждало Есю, когда, перейдя учиться в другой район, она попала в компанию, состоящую из таких же умников, среди которых был один умник, очень походивший на умника из предыдущей школы. Когда она поняла, что, казалось бы, встретила его точную копию, первым испытанным чувством стал испуг: сама судьба над нею издевается, и теперь возможности сбежать уже не было.

За испугом последовало истолбление, то есть полное непонимание профессора Чеморгина Есей. Она никогда не видела такого непоследовательного человека, который шёл по улице, фактически либо ни с кем не разговаривая, либо разговаривая сам с собой. Он шёл, смотря в одну точку и бесконечно вздыхая. Учителя на занятиях просили его не вздыхать, чем только усугубляли положение. Потому что, перестав вздыхать, профессор Чеморгин начинал зевать.

Профессор Чеморгин был очень медлительным, никуда не торопился, при этом не отличаясь особой плавностью. Рядом с ним не происходило ничего, рядом с ним невозможно было думать, потому что профессор Чеморгин куда-то утягивал всех своим покоем. Это и раздражало Есю больше всего: рядом с ним гасли все её эмоции. Она чувствовала себя плохо, идя вдвоём тридцать минут там, где одна могла бы пройти за пять.

Профессор Чеморгин мог рассказывать воспоминание за воспоминанием несколько раз подряд. Еся удивлялась, как

живут такие очарованные странники. Со временем она, или, возможно, ей лишь так виделось, начала свыкаться со всеми его странностями.

Но однажды, проходя возле стадиона, они с Есей увидели, как ребята играют в футбол, и мяч врежется прямо в грудь парню-шестикласснику, отчего тот, вытянув руки и ноги вперёд, летит по всему полю, словно рыболовная сеть, а потом встаёт, отряхивается и, сделав круг возле ворот, бежит к своим.

Еся перевела взгляд на профессора Чеморгина. Он стоял с распахнутой рукой, прижатой к сердцу, так, словно попали не по мальчику, а по нему. Втянув в себя глаза, он мандражно проговорил:

— Нельзя так, неправильно всё это.

Есе же, напротив, от одного взгляда на профессора Чеморгина стало настолько хорошо и спокойно, что несколько секунд спустя, вспомнив, где они находятся и зачем шли, она вдруг подумала: «Я что, влюбляюсь?»

С того времени, как профессор Чеморгин выкупил цветочный горшок с барышней в придачу, прошло без малого два месяца. Психическое состояние небезызвестного энтузиаста улучшалось ото дня ко дню. Общих интересов с Есей у профессора Чеморгина имелось настолько большое число, что люди, впервые увидевшие их, могли принять тех двоих за кровных родственников, хотя, по правде, друг друга они ещё знали совсем слабо.

Влияние Еси на профессора Чеморгина, как и противоположное, направленное на неё, обнаружилось очень быстро. Профессор Чеморгин, бывало, говорил слишком громко, а Еся заикалась, но сейчас, в паре, от них в общество распространялась хорошо поставленная речь. И то было приятно. Но если вас когда-либо посетит мысль, почему этим двоим лучше обходиться без посторонних в своём общении, то...

— П-подожди, кто тебе рассказывал, что местоимения заменяют существительные?

— Ну... Нам всегда так говорили. За девять лет у меня сменилось пять учителей. Что-то не так?

И такое каждый раз. Проходя под кривыми ивами, вплотную к шумному шоссе, они тихо разговаривали, и голоса их даже до проходящих не долетали.

— Давай, рассказывай! Я уверена, что ты сможешь перебить и пятерых, и шестерых, если уж на то пошло.

— Существительное. Для обозначения чего оно используется?

Ответ в голове у Еси промелькнул сразу, только вот для чего профессор Чеморгин желал получить его? Неужто ли и из таких простых вещей он сумел бы представить удивительное знание, лежащее на поверхности?

— Для предметов и лиц, это же второй класс по программе.

Оттого профессор Чеморгин неопределённо взглянул в сторону дома Вени Ситникова, под окнами которого они

проходили. Он обдумывал предложение за предложением, ведь тяжёлые для понимания формулировки с интересом мало кто решится слушать.

— Значит, глагол используется для обозначения действия, а прилагательное — качества?

— Конечно. Ты это собирался опровергнуть?

— Я собирался показать тебе иной взгляд на части речи, помимо значения слова. Семантический анализ может подводить. Например, к какой части речи ты отнесёшь слово «строительство»?

Доведённые до автоматизма навыки Еси не могли сработать неправильно — по крайней мере, она на это рассчитывала, — поэтому и ответила без раздумий:

— «Строительство»?.. К существительным?

И тут профессор Чеморгин выдал пугающее, но реалистичное утверждение:

— Но оно же обозначает действие, которое длится во времени? Дом может строиться месяц, полгода, год. Не так ли?

— А...

— Твои мысли подойдут для предложений типа «Маша идёт в магазин»: заменяем и получаем «Она идёт в магазин». Но а если я скажу: «Эта очень красивая девочка всем нравилась». Могу ли я в этом случае заменить существительное местоимением?

— «Эта очень красивая она всем нравилась»... Чушь какая-то выходит.

Всё возмущение Еси мигом открылось на её лице. Отчасти потому, что профессор Чеморгин проецировал на примеры конкретные слова, сказанные ей меньше минуты назад. Хотя ему, напротив, это смущение залегло под самую каёмку души: ведь выходит, не зря жил он на свете, если способен был поразить лёгкостью бытия.

— Не бойся, ничего страшного не случилось. Просто на этом примере я доказал, что местоимение заменяет собой не только существительное, но и целую именную группу. Сильно загрузил?

— Нет, пока нормально.

— Если я не знаю, к какой части речи относится слово, я использую не только его значение, но и разбираю его на морфемы, а также смотрю на его позицию в предложении.

— Морфологический и синтаксический методы.

— Именно!

Впервые за два года профессора Чеморгина понял хоть кто-то, чему тот оказался несказанно рад, наконец говоря не в пустоту. Правда, у Еси его слова укладывались ещё долго, но были понятны.

— Слушай, не зря тот в очках тебя профессором называет.

— По правде говоря, мне это не слишком-то нравится.

— Мог бы попросить его перестать так делать, и всё. Конечно, удивительно, как быстро ты освоил языки по необходимости. Я всегда буду этому поражаться, но и осталь-

ные люди должны понимать, насколько тебе тяжело хранить столько всего.

— Я не спешу отказываться по одной причине.

Это случилось год назад. Единственное событие, благодаря которому профессор Чеморгин принял всё произошедшее за несколько лет с должным спокойствием. Произошло то в десяти минутах ходьбы от места, где он говорил с Есей сейчас.

Стояло утро. Бедный и уставший профессор Чеморгин поднимался на холм вблизи двух детских садов. Он привык ходить этими дорогами, где обычно ничего странного с ним не случалось. Да и вряд ли переулок тот посещали интересные люди. Лишь незрячий дедушка иногда появлялся здесь со своей белой тростью. Держал он её не перед собой под углом, а ставил прямо к земле, словно и не нуждался ни в чём, кроме известных ему самому ориентиров.

Дедушка этот никогда не просил прохожих о помощи, но однажды профессора Чеморгина прямо посреди дороги окликнул ещё один человек, идущий с трудом.

— Молодой человек, не поможете подняться?

Там, у подножия, стоял путник в тёмно-зелёной маскировочной одежде и с тканевым футляром на спине. Оттого в руках у него ещё сильнее выделялись серебряные костыли.

— Держитесь.

И думалось, будто этот человек совсем не ожидал, что у профессора Чеморгина получится его вытащить. Оттого

сильнее сам спаситель удивился, когда услышал первые слова человека, уходявшего под снег.

— Как вас сюда занесло?

— Да вот, у нас сезон охоты, — сказал человек на костылях. — Ищу Осановскую рощу. А то, что я в таком виде, — не беда. Слабоват в костях стал.

Так и двинулись они вместе. Несколько минут профессор Чеморгин просто отвлечённо глядел на охотника, пока не решился задать вопрос:

— А вы...

— погоди, погоди! Никаких «вы»! Мне же всего двадцать пять, только бороду сбрить. Давай на «ты».

Переходить на фамильярность профессор Чеморгин не решился. Легче для него было бы не использовать обращений. Охотник же начал рассказывать о жизни, о прибытии в город, о судьбе неместного человека. Костылями орудовал он истинно здорово, едва передвигая заостренелые после травмы ноги.

— Да, всего двадцать пять. Я думаю, о возрасте твоём знать должна только матушка, которая тебя родила.

И что-то с тех самых пор переменялось в профессоре Чеморгине. Да, они с тем охотником разошлись. Память осталась. Еся слушала эту историю молча у водонапорной станции, после чего, закрыв глаза, повела одной бровью, что редкий человек был в силах физически сделать, затем, ожидаемо взглотив, сверкнула одной прядью.

— Quoi qu'en disent les autres, t'es génial.

— Oh, je sais.

Оказывается, так мало нужно для спокойной жизни в плане общения. Людей в Китае живёт свыше миллиарда, но ни один человек даже за всю жизнь не успеет со всем этим миллиардом поговорить. Чеморгин знал, что ценность языка определяется не числом людей, которые его знают, а числом тех, с кем ему приходилось говорить. И он нашёл, с кем разделить эту ценность.

Глава 9

— Александра, ты там выползай из своего окна по-хорошему! Я ж тебя, кажись, люблю! — Ситников поднимал взгляд на окна четвёртого этажа жилого дома. — Открывай, говорю! А то ведь я ща как залеплю. У меня гальки тут много!

Здесь, почти у самой земли, с инструментом, похожим, по его словам, на домру, располагался неутомимый авантюрист — Вениамин Николаевич Ситников. Он выжидал здесь десятую минуту подряд, пока окно наконец не распахнулось и до Вени не снизошёл сладкий голос его долгожданной первой встречной, которая обладала глазами цвета спелой малины и ангельски загорелой кожей.

— Ситников, ты чего, рехнулся?

Это был голос свыше. Самое светлое и яркое существо глядело на Ситникова с расстояния всего в нескольких метрах.

— Любовь у меня в душе неизбывная! Слезай давай и пошли ко мне есть красную рыбу в кляре. Специально для тебя приготовил.

— Ты с ума сошёл? Ко мне брат приехал с родственниками по линии дедушки!

— Да ладно тебе, эка невидаль! Сейчас, погоди, как настрою...

На инструменте Вени имелось четыре спаренных струны, по которым «бард» решил пройтись медиатором и исполнить аккорд ре мажор. Это было простейшее дворовое созвучие: для его исполнения требовалось зажать первую и четвёртую струны на втором ладу.

— Ду хаст диаментен унд перлен. Хаст алес вас меншен-бегир. Унд ха-аст ди шонест... Унд ха-аст ди ауген! Майн липхен, вас вильст ду мир?

И стоило Ситникову вновь поднять глаза, как в нём пропало всё поэтическое настроение. Прямо на бедного Вениамина Николаевича с высоты четвёртого этажа обрушился поток воды объёмом с один керамический кувшин. Ситников промок до нитки, а окно над ним ударило деревянными рамами, будто железными.

Мы очень хорошо помним тот день. День между восемнадцатым и двадцать пятым мая. Благо, на дворе стояла весна, и ледяной коркой Венья не покрылся. Держался Ситников, а вместе с ним держался на улице холод. Тот самый осязаемый весенний холод, который под стать марту, но не маю.

Хорошо, портфель, лежавший в стороне, цел. Обтёрев руку о кирпичную стену, Ситников взял рабочий кнопочный телефон и набрал первого попавшегося в контактах, а поскольку контакты представлялись ему в алфавитном порядке, следуя алгоритму, Венья был вынужден попасть на человека с фамилией Аверин. На того самого Тёму Аверина, который сейчас трудился и днём, и ночью в своих мастерских.

— Веня? Чего тебе? Поход завершился?

— На меня Саша кувшин воды вылила...

— Вот даёт. — В телефоне повисло секундное молчание, а затем послышалась работа токарного круга, сквозь которую Тёма успел ещё что-то сказать. — Знаешь, я тебе в таких вещах не помощник. Я физик, а не лирик. Вот профессор...

— Он и там специалист?

— А то! Правда, барышни на его пути попадались ещё более беспутные, чем твоя. Почему беспутные? Да ведь если бы путные, то уже три раза в Харбине побывали бы и два раза в Иокогаме! Человек с душой нараспашку. Давай, ещё созвонимся!

Ранее мы действительно говорили о работе профессора Чеморгина, но только лишь о ней. Поэтому для более близкого знакомства с этим человеком набросаем сперва факты, по которым и рассудим, почему переводчик жил на свете с некоторой изюминкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.